

«Полулицый призрак», не подававший вестей последние пять дней, объявился снова. На этот раз правый уличный пристав Цзиньувэй Сян Шаосюань не посмел ничего утаить.

Едва рассвело, пристав наспех сдал дежурство, сверил верительные жетоны со сменщиком и под оглушительный рокот утренней колотушки — четыреста ударов «открывающего барабана» уже летели над крышами — поспешил на доклад к нынешнему уличному послу Цзиньувэй Пэй Цзинсину.

Пэй Цзинсин выслушал его и нахмурился:

— Ты уверен, что это та самая тварь, которую изгнали пять дней назад?

Сян Шаосюань закивал так часто, будто голова его вот-вот с плеч сорвется:

— Клянусь, господин посол, она! Длинные, спутанные грязные волосы, пропитанное кровью рубище и жуткая рожа — точнее, половина рожи! Ни левой брови, ни крыла носа с той стороны... Одно око зияет да половина пасти скалится. Точно он, Полулицый!

— И на этом всё? — Пэй Цзинсин даже не взглянул на подчиненного. — А разглядел ли ты отпечаток ладони на левом отвороте его одеяния? Тот самый, в середине которого красуется прожженная дыра с палец величиной и пожелтевшими краями?

Сян Шаосюань мгновенно покрылся испариной. Спина сделалась липкой от холодного пота.

— Я... ваш покорный слуга тогда... с перепугу ума лишился, — пролепетал он, втягивая голову в плечи. — Не до того было, не разглядел.

Пэй Цзинсин наконец удостоил его коротким, тяжелым взглядом. Стыдить труса не стал — лишь отложил кисть в сторону.

— В следующий раз разуй глаза пошире. Ступай. Я сам доложу обо всем генералу Шэню.

Пристав незаметно выдохнул. Они служили бок о бок уже больше трех лет, и Сян Шаосюань прекрасно знал, какой невыносимый нрав порой нападал на Пэй Цзинсина. Тот умел придраться так изощренно, что и возразить-то нечего — чистая служба, комар носа не подточит.

И ведь что примечательно: дурь эта лезла из господина посла аккурат тогда, когда дело касалось всякой чертовщины, призраков да даосского колдовства.

Пэй Цзинсин, заметив его молчание, смягчил тон — решил, должно быть, что слишком круто обошелся с малым после тяжелой ночи.

— Ладно, натерпелся ты за ночь. Ступай отсыпайся. Но парням своим накажи строго-настрого: рот держать на замке. Нечего бабы сплетни по городу плодить.

— Слушаюсь!

Когда шаги пристава затихли в коридоре, Пэй Цзинсин прикрыл глаза. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Он с силой потер переносицу, прогоняя наваждение, затем осушил пиалу остывшего, горького чая и поднялся с места.

Повесив на пояс верный Меч Хэн, он на мгновение замер перед стойкой, где покоилось копье Драконьей головы и Тигриного клыка — бесценная реликвия рода Пэй, жалованная еще покойным государем-основателем. Помедлив, Цзинсин решил оставить святыню в оружейной управе. Марать такое драгоценное оружие о мелкую нечисть казалось кощунством. Вместо этого он скорым шагом направился к резиденции генерала Шэня.

— Опять?! И снова в кварталах Весенней Ясности и Вечного Спокойствия? — Генерал Шэнь Цунцзянь, выслушав уличного посла, так хлопнул по столу, что подскочили чернильницы. — В этих местах живет вся столичная знать! Эта тварь что, нарочно глумится над гвардией Цзиньувэй? Живо отправляйся к тому проныре, которого привел заместитель министра Шангуань. Спроси этого бродячего пса в рясе, не в канаве ли он свои чары выучил!

— А с Полулицым как быть? — спокойно осведомился Пэй Цзинсин.

— Шангуань Юнь тогда грудь колесом выкатывал! «Ах, оставьте, пустяки, мой человек со всем управится, не надо шуметь...» И что мы видим? Пять дней прошло! Вместо того чтобы упокоить тварь, этот недоумок позволил ей сорваться с цепи и снова душиť честных людей! — Генерал багровел на глазах. Стоило ему вспомнить самодовольную мину Шангуань Юня, как желчь закипала в груди.

У генерала была одна слабость: в гневе он становился на редкость ворчливым и поминал старые обиды до седьмого колена. Всласть отругав Шангуань Юня всеми известными бранными словами, Шэнь Цунцзянь наконец перешел к делу:

— Придется тебе побегать, Пэй. Перво-наперво ступай в резиденцию Государственного наставника. Проси аудиенции у его старшего ученика. А параллельно отправь десяток парней схватить даоса, которого пригрел Шангуань Юнь. Если этот чинуша вздумает чинить препятствия — суй ему в нос мой жетон. Поглядим, хватит ли у него дерзости пойти против воли Цзиньувэй. Великий генерал сейчас занемог, так что тревожить его по пустякам не станем.

Приказ генерала в точности отвечал мыслям самого Пэй Цзинсина. Дело принимало скверный оборот: за какие-то девять дней призрак забрал жизни шестерых несчастных. Мешкать нельзя

— каждая ночь промедления могла обернуться новыми гробами.

— Будет исполнено, — коротко бросил Пэй Цзинсин и чеканным шагом покинул залу.

— Какими ветрами? Нечасто уличный посол Пэй жалуется Резиденцию Государственного наставника, — с тонкой, едва уловимой усмешкой проговорил Гао Цзэкай, встречая гостя на пороге парадной залы.

Пэй Цзинсин едва переступил порог резиденции, как у него по хребту пробежал неприятный холодок. В этих стенах, пропитанных запахом благовоний и скрытого чародейства, он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. «Эх, зря оставил копьё Драконьей головы и Тигриного клыка в управе, — шевельнулось запоздалое сожаление. — С ним на плече дышалось бы куда спокойнее».

Гао Цзэкай велел слугам подать чай, а сам, презрев всякий этикет, уселся за стол и принялся лениво лущить жареный арахис.

Видя эту привычную, бесцеремонную манеру старого приятеля, Пэй Цзинсин мало-помалу расслабился. Он сел напротив, отхлебнул из пиалы и без лишних предисловий выложил суть дела.

— Полулицей? — Гао Цзэкай отряхнул ладони от шелухи и прищурился. — Полно тебе. Разве его не изгнал пять дней назад тот бродячий маг, которого нанял заместитель министра Шангуань?

Пэй Цзинсин опешил:

— Откуда тебе известно?

— Обижаешь, — хмыкнул Гао Цзэкай. — Пока учителя нет в столице, за порядком в Сицзине присматриваю я. Всё, что шевелится в этих стенах, у меня как на ладони. А уж когда дело касается нежити — и подавно.

— Он вернулся, — глухо произнес Пэй Цзинсин. — Прошлой ночью Сян Шаосюань обходил рубеж между кварталами Весенней Ясности и Вечного Спокойствия и столкнулся с ним нос к носу в переулке. К счастью, тварь пустилась наутек, едва завидев факелы, иначе сегодня мы бы считали новые трупы. А-Да, скажи мне как на духу: что это вообще за тварь? Откуда она взялась?

Прозвище «А-Да» прицепилось к Гао Цзэкаю еще с босоногого детства. В их ребячьей ватаге он был самым старшим и вечно важничал, требуя к себе уважения как к первому старшему брату.

Правда, толку от его старшинства тогда было мало: воспитывать младших он и не думал, зато горазд был подбивать их на драки с соседскими мальчишками. А когда побитые противники пускали нюни, А-Да громче всех дразнил их плаксами да размазнями. Дома за эти художества его нещадно лупили бамбуковой палкой, но уже на завтра он как ни в чем не бывало уводил ватагу на очередное разорение чужих садов.

Впрочем, грозе сицзинских переулков недолго довелось разбойничать. Стоило Государственному наставнику разглядеть в сорванце редкий дар, как его тут же забрали в ученики — к великому облегчению всех окрестных благочестивых семейств.

Годы пролетели незаметно. Один стал преемником великого мага, второй воротился из суровых западных краев и надел доспехи Цзиньувэй. Они не виделись почти четыре года, и это старое, полузабытое «А-Да» из уст Пэй Цзинсина отозвалось в груди Гао Цзэкай щемящим чувством ушедшего времени.

Страхнув мимолетное наваждение, Гао Цзэкай посерьезнел:

— Мир духов глубок, Пэй, и даже мой учитель не ведает всех его тайн. Взять хотя бы обычных водяных бесов. Тут все просто: человек тонет, его предсмертная обида селится в речной тине, душа не может уйти за реку забвения и перерождается в злобную тварь. Они не помнят себя прежних, но жаждут избавления, а потому утягивают на дно любого, кто зазеваается у кромки воды. Стоит бедолаге утонуть, как прежний дух освобождается от проклятия и уходит на суд к владыке ада Яньвану, а его жертва занимает пустующее место в иле. Это привычная нечисть, понятная. Но вот Полулицый... Я о таких не слышал, да и в древних трактатах ничего похожего нет. Это случай единичный. А единичный случай всегда означает одно: смерть этого несчастного скрывает какую-то темную, грязную тайну.

Пэй Цзинсину не было дела до чужих тайн. Его долг — беречь покой живых.

— Мне не интересна его родословная, А-Да. Ты можешь его изловить? За девять дней этот ублюдок утянул в могилу шестерых, а еще чертова дюжина лежит пластом, не приходя в сознание.

Гао Цзэкай неопределенно повел плечом:

— Сделаю что смогу. А где сейчас тот даос, что якобы запечатал его?

— Без понятия, — нахмурился Пэй Цзинсин. — Я отправил людей к Шангуань Юню. Пусть вытрясут из него этого шарлатана.

— Тогда нечего рассиживать, — Гао Цзэкай поднялся, оправляя полы даосского платья. — Возьму с собой одного малого, вдвоем сподручнее будет.

— Братец! Сколько лет, сколько зим! — Пэй Хуайюй, вынырнувший из-за спины Гао Цзэкая, расплылся в широкой улыбке, демонстрируя ровный ряд белоснежных зубов.

Пэй Цзинсин при виде кузена даже не улыбнулся. Напротив, его лицо сделалось еще мрачнее.

— Даоси Гао, зачем ты тащишь с собой этого шалопада? Нам там только няньки не хватало.

Пэй Хуайюй мгновенно сник. Улыбка сползла с его лица, уступив место унынию; он опустил голову, сердито ковыряя носком сапога половицу.

— А вот тут ты неправ, господин уличный посол, — возразил Гао Цзэкай, дружески хлопнув младшего соученика по плечу. — Схватим мы призрака или нет — как раз от способностей твоего непутевого братца и зависит.

Одобрение старшего брата подействовало на Пэй Хуайюя как глоток хорошего вина. Он мигом приободрился и, спрятавшись за широкую спину Гао Цзэкая, состроил кузену шутливую рожу:

— Вот именно! Не беспокойся, братец, я все-таки ученик самого Государственного наставника. Уж лицо-то школы не посрамлю!

Пэй Цзинсин перевел взгляд с одного на другого, понял, что спорить бесполезно, и лишь обреченно махнул рукой:

— Твоя воля. Только чур потом не выть, если эта тварь тебе пол-лица откусит.

У Гао Цзэкая от такого пророчества нервно дернулось веко, но договорить ему не дали — Пэй Хуайюй, опасаясь, как бы кузен не передумал, спешно вытолкнул старшего соученика к поджидавшему у ворот экипажу.

Поместье Шангуань Юня располагалось неподалеку, в квартале Весенней Ясности. Едва до заместителя министра, сидевшего на службе в Храме Императорских Жертвоприношений, долетела весть об экстренном визите Цзиньувэй, он бросил все дела, отпросился у начальства и вихрем примчался домой, лично встретив незваных гостей у ворот.

— Уличный посол Пэй? — задыхаясь от быстрого бега, спросил хозяин дома. — Неужто в квартале опять объявилась чертовщина?

Пэй Цзинсин сухо изложил суть дела и перешел к главному:

— Господин Шангуань, где сейчас тот даос, которого вы нанимали?

Шангуань Юнь замялся, явно растерявшись:

— Видите ли, господин посол... Не стану скрывать, того монаха мне присоветовали добрые люди. Как только он скрутил призрака, то сразу заявил, что заберет его в загородные леса для очищения и выплавления сущности. Я выплатил ему причитающееся серебро, и с тех пор он здесь не появлялся. А в чем, собственно, дело?

— В том, что ваш призрак живет всех живых, — отрезал Пэй Цзинсин. — Прошлой ночью Полулицего снова видели на стыке наших кварталов.

Шангуань Юнь вытаращил глаза:

— Как вернулся?! Он же его выплавил!

В этот момент Гао Цзэкай, доселе безучастно разглядывавший сад, лениво поинтересовался:

— К слову, господин Шангуань, я заметил, что все ветви деревьев в вашем поместье убраны красным шелком. Наверное, супруга ваша понесла?

Заместитель министра невольно смягчился, кивнув:

— Ваша правда. Месяц назад лекарь подтвердил добрую весть. Но из-за этого проклятого Полулицего жена так перепугалась, что едва не скинула плод. Едва выходила... Она у меня и так хрупкого здоровья, теперь вот лежит, не вставая с постели.

— Раз так, — протянул Гао Цзэкай со значением, — то в ближайшие месяцы вам, господин Шангуань, надобно поостеречься. Лишнее кровопролитие и гнев в доме, где ждут дитя — плохая примета. Как бы на судьбе наследника не отразилось.

Шангуань Юнь едва заметно вздрогнул, но быстро справился с собой и ответил с напускным хладнокровием:

— Благодарю за совет, даоси Гао. Но эта нечисть уже унесла шесть жизней и едва не сжила со света моего еще не рожденного первенца. Да и у тестя в усадьбе из-за нее до сих пор покоя нет. Думаю, искоренить подобное зло — лучший способ заслужить благословение небес для моего мальчика.

Гао Цзэкай лишь понимающе улыбнулся и смолк. Пэй Цзинсин, однако, не собирался отвлекаться на семейные дела чиновника.

— И все же: кто именно привел к вам этого шарлатана? — с нажимом спросил он.

Шангуань Юнь нахмурился, силясь вспомнить:

— Кажется... какой-то чужеземный купец на пиру обмолвился. Да только след его простыл — на днях он со своим караваном отбыл обратно в Западный край.

Словом, ищи ветра в поле.

Пэй Цзинсин окончательно потерял терпение. Его голос так и обдал собеседника ледяной стужей:

— Бродяга, о котором судачат залетные торговцы из степей! И вы доверились ему? Господин заместитель министра, вы — один из видных мужей при дворе, неужто столь простая истина оказалась недоступна вашему разуму?

По неписаным законам Поднебесной Пэй Цзинсин зашел слишком далеко. Шангуань Юнь занимал высокий пост четвертого ранга, в то время как уличный посол Цзиньувэй носил скромный шестой. Держаться столь дерзко младшему по званию не подобало. Однако гвардиялевой и Правой Цзиньувэй стояла особняком среди двенадцати императорских армий — они не просто охраняли покой государя, но держали в железных тисках весь Сицзин, а потому власти имели куда больше, чем иные важные сановники.

К тому же дело о Полулицем призраке разрасталось подобно чуме. Шесть трупов, и среди них — судья преисподней из личной гвардии Юйлиньвэй! Если не придушить гадину сейчас, ночные улицы Сицзина захлебнутся в крови.

Если бы Пэй Цзинсин захотел, он мог бы выставить Шангуань Юня главным виновником укрывательства опасного преступника и доложить генералу, а там и до допроса с пристрастием в застенках Цзиньувэй недалеко.

Поняв, что запахло жареным, Шангуань Юнь поспешил сдать назад:

— Признаю, моя оплошность. До меня доходили слухи, будто этот человек творит чудеса в питейных заведениях, вот я и решил, что он мастер своего дела. Кто же знал, что под личиной мудреца скрывается обычный шарлатан.

— В заведениях? — Пэй Цзинсин мгновенно уцепился за оговорку. — О каких именно кварталах шла речь?

— В квартале Мира и Здоровья... — При упоминании Квартала Мира и Здоровья заместитель министра заметно смутился. — В те годы, когда не стало моей первой супруги, я искал утешения в тамошних приютах ласки. Если бы не встреча с Хун-эр, до сих пор бы, верно, губил душу в хмельном угаре.

Слушать пьяные бредни о делах давно минувших дней, которые и без того обмусолил весь Сицзин, никому не хотелось. Гао Цзэкай сухо кашлянул в кулак, Пэй Хуайюй нехотя водрузил на столик изящную пиалу зеленого фарфора, с которой забавлялся все это время, а Пэй Цзинсин резким движением забрал у слуги свой меч.

— Благодарю за содействие, господин Шангуань. Больше мы вас не задерживаем.

Хозяин дома, казалось, мыслями все еще блуждал среди шелков и лютен Квартала Мира и Здоровья. Он лишь вяло махнул рукой управителю, велел проводить гостей, а сам погрузился в глубокую думу.

Выйдя за ворота, Пэй Цзинсин решил лично прочесать увеселительный квартал в поисках следов беглого даоса, в то время как Гао Цзэкай вознамерился осмотреть место вчерашнего происшествия.

Уличный посол согласился сперва проводить спутников до злополучного перекрестка. Однако едва они свернули в нужный переулок, как обнаружили, что у кирпичной стены в полутени уже кто-то стоит.

Присмотревшись, Пэй Хуайюй радостно взвизгнул и, напрочь позабыв и про грозного кузена, и про старшего брата, припустил вперед:

— Даоси Су! Вот так встреча!

<http://bllate.org/book/18419/1768141>